

л) Акционерные предприятия.

Что такое акционерное предприятие?

— Это—один из способов, которыми кредит собирает воедино мелкие и крупные капиталы, создавая из них капиталы еще несравненно более значительные. Дела этого рода устраиваются так. Группа капиталистов, иногда и просто предприимчивых людей, объявляет об основании нового предприятия на акциях, т.-е. на таких паях, которые всякий может свободно покупать. Выпускается, напр., 10 тысяч акций по 100 рублей каждая. Если предприятие внушает надежду на успех, то акции будут раскуплены крупными и мелкими капиталистами (обыкновенно при посредстве банков, ведущих эту распродажу). Составляется в руках учредителей капитал в миллион (на деле меньше, потому что часть акций они оставят себе, часть денег возьмут за посредничество банки). На собранный капитал и ведется предприятие. Правление для него выбирается собранием акционеров, т.-е. пайщиков; этому собранию даются отчеты, оно контролирует ход дела. Предположим, что за год получилась чистая прибыль 100 тысяч. Их делят между акционерами под названием «дивиденда», выдавая по 10 руб. на акцию; или, если часть прибыли решают употребить на увеличение капитала, на расширение дела, то, напр., по 8 рублей. Вся организационная работа ведется наемными директорами, инженерами и пр. Акционеры только собираются, чтобы выбирать правление, слушать отчеты, делить доходы. Большинство акционеров, особенно мелкие, даже не интересуются делами предприятия, и на собраниях все вершат несколько крупных акционеров.

Остается ли цена акций постоянною?

— Нет, она меняется смотря по тому, как идут дела акционерного общества. В нашем примере дивиденд на акцию был 8 руб. Пусть обычный в стране кредитный

процент—4 на сто; значит, акция дает столько же дохода, сколько 200 руб., отданные займы под надежный залог или положенные в банк, причем доход также получается без труда для владельца. В таком случае владелец акции не согласится ее продать иначе, как за 200 руб. или около того. Но если предприятие будет давать только 2 руб. на акцию, «курс» ее упадет до 50 руб. Кроме того, на курс акции влияют расчеты и надежды: если имеются сведения о благоприятном ходе дел предприятия, и можно ожидать повышения его доходности, акции «повышаются» в цене; если возникают опасения, что дело будет идти хуже,—они «падают».

Одни ли акции имеют свойство так менять цену, или вообще ценные бумаги?

— Это—свойство всех ценных бумаг. Напр., когда государство выпускает заем под определенные проценты, оно делает это так же, как учредители акционерного предприятия: печатает, положим, миллион свидетельств по 100 руб. каждое, с обязательством платить по 4 руб. в год процентов и продает эти бумаги с помощью банков. Покупатели бумаг смотрят тогда на государство как на акционерное предприятие, хотя, разумеется, не могут прямо руководить им. Если доходы государства — его налоги и подати — поступают хорошо, и есть надежды, что его экономическое положение будет еще улучшаться, то курс бумаг его в продаже будет возрастать; правда, оно будет платить попрежнему 4 рубля на каждую бумагу займа, но, в виду особенной обеспеченности дохода, за нее могут дать и более 100 руб. Напротив, если налоги поступают плохо, угрожает война, междоусобия и пр.,—курс бумаг займа падает. То же относится и к разным другим ценным бумагам, государственным и частным. Дело в том, что хотя они очень разнообразны, но по существу все представляют одно и то же: это—свидетельство на получение некоторой доли производимой в обществе прибавоч-

ной стоимости, от тех или иных предприятий. Государство, хотя оно не есть частное предприятие, а общая организация, посредством которой господствующие классы поддерживают желательный для них и соответствующий их интересам порядок, но в области кредита и вообще своего хозяйства вынуждено действовать наподобие частных предприятий.

м) Биржа и спекуляция.

Что такое биржа?

— Это—собрание капиталистов, где совершаются наиболее крупные сделки и устанавливаются цены товаров; своего рода высшая организация местного рынка. Там объединяются сведения отовсюду о ходе дел в производстве и на мировом рынке, чтобы капиталисты могли с ними сообразоваться в своих операциях.

Какого рода сделки имеют преобладающее значение в деятельности биржи?

— Срочная продажа-покупка. Напр., на лондонской бирже фабрикант пряжи покупает у торговца, занимающегося ввозом хлопка из Америки, большую партию хлопка к сроку через три месяца. Торговец должен тогда, через своих агентов, закупить этот хлопок на месте и доставить его фабриканту в условленное время. Капиталисты, таким образом, могут избавлять себя от затрат на чрезмерно большие запасы и вместе с тем прииспосабливать, по своим расчетам, покупку нужных чужих товаров к продаже своих.

Что такое «спекуляция» или «спекулятивная сделка»?

— Это особый вид азартной игры, основанной на колебаниях рыночных цен. Хотя в своей основе цены зависят от трудовой стоимости товаров, которая определяет их нормальный средний уровень, но так как нет никакой сознательной, планомерной организации, кото-

рая держала бы цены на этом уровне, то они постоянно колеблются, то вверх, то вниз от этого уровня, в зависимости от изменяющегося спроса-предложения. Если капиталист купит товар в момент понижения цены и затем перепродает в момент повышения, то он получит в свою пользу всю разницу обеих цен. Но если он ошибется в своем расчете, и цена будет падать дальше, то он будет вынужден продать в убыток; и вся разница цен уйдет из его кармана; в обоих случаях деятельность самого капиталиста, очевидно, бесплодна для общества и представляет простую игру. Развитие биржи усовершенствовало эту игру дальше. Покупка делается на определенный срок, с правом товара не принять, а вернуть его владельцу по тогдашней, новой цене. Напр., спекулянт покупает миллион пудов хлеба сроком на 3 месяца, по рублю, у другого спекулянта. Если за это время цена повысится до 1 р. 10 коп. за пуд, то первый спекулянт хлеба не возьмет, и другой обязан будет принять хлеб обратно по высокой цене, и в результате расчета уплатить первому 100 тысяч рублей разницы. Если же цена хлеба упадет до 90 коп. за пуд, то первый спекулянт, расплачиваясь по старой цене, теряет 100 тысяч; значит, первый играл «на повышение», второй—«на понижение» цены зерна. Еще более грубая форма биржевой игры—та, которая ведется на курсе ценных бумаг. Игрок покупает, напр., акции такой-то железной дороги сроком на неделю; если за неделю произойдет повышение курса, то он выиграет, если понижение—проиграет.

В чем же заключается искусство биржевой игры?

— Во-1) в хорошем знании рынка, в изучении его колебаний. Но никакой гарантии успеха это не дает, потому что точного предвидения цен при нынешнем строе быть не может. Поэтому спекулянты применяют еще другого рода методы: стараются *вызвать* жела-

тельное изменение цен. Напр., они скупают так много товара, что на рынке его не хватает, и цена повышается; или, если нужно понижение, неожиданно выпускают его из запасов на рынок так много, что цена падает. Чтобы вызвать повышение акций предприятия, распространяют на бирже и в печати о ходе его дел благоприятные слухи, часто лживые, иногда подстраивают даже фальшивые отчеты. Чтобы вызвать понижение бумаг государственного займа, создают слухи об угрожающей государству войне, об опасных волнениях и пр.; иногда даже, через подкупленных политических деятелей, создают международные столкновения. Такими способами часто крупные биржевики играют наверняка и приобретают миллионы за миллионами, разоряя, конечно, соответственную массу народу. Два американских архимиллионера, Гуд и Фиск, в 1868 году бессовестной спекуляцией вызвали в Америке сильный финансовый кризис, разоривший десятки тысяч людей, так что Фиск был даже убит. Зато Гуд долгое время был первым богачем в Америке и во всем мире.

н) Рост капитала и его концентрация.

Что такое «капиталистическое накопление»?

— Это — увеличение капитала присоединением к нему части прибавочной стоимости. Если вся прибыль капиталиста уходит на потребление, то никакого накопления нет; если часть ее остается у него, но только в виде денег, и никакого движения не получает, то *это накопление сокровища*. Если же он употребляет ее остаток на покупку материалов, орудий, рабочей силы, расширяя таким образом предприятие и эксплуатацию, то *это — накопление капитала* в точном смысле слова. В странах передовых, как Соед. Штаты, Англия, Германия, общественный капитал путем этого накопления увеличивается ежегодно на тысячи миллионов рублей.

Что такое «концентрация капитала»?

— Это—собираение капиталов, ведущее к уменьшению их числа вместе с возрастанием их величины. Оно происходит путем *конкуренции* прежде всего, затем путем *кредита*, акционерного объединения капиталов, объединения предприятий в синдикаты. Конкуренция губит более мелкие или слабее организованные предприятия; более сильные их побивают, имея возможность понижать против них цены. Средства производства разрушенных предприятий частью просто пропадают, частью же скупаются за дешевую цену победоносными конкурентами. Многие из этих победителей затем бывают в свою очередь побиты еще более крупными капиталами, и т. д. В результате число предприятий уменьшается. Кредит помогает этому, усиливая сильнейших и оставляя без поддержки слабейших. Акционерная форма предприятий собирает капиталы мирным путем, без прямого их разрушения; но зато, когда, напр., во время кризисов, гибнут акционерные предприятия, то разоряется сразу множество капиталистов. Синдикаты и тресты (так называются союзы предпринимателей) объединяют капиталы еще шире, и мирным, и боевым путем.

Во всех ли отраслях производства одинаково идет концентрация капитала?

— Она идет во всех, но неравномерно: одни опережают, другие отстают. Особенно отстает в большей части стран земледелие. Там крупное хозяйство имеет меньше преимуществ перед мелким. Конечно, они все-таки есть; напр., немалое сбережение труда и издержек получается при массовой доставке средств производства с рынка и готовых продуктов на рынок; также и машины в земледелии приносят значительные выгоды, хотя не столь большие, как в промышленности. Но все-таки мелкое земледельческое хозяйство еще долго продолжает удерживаться в конкуренции с крупным, несмотря даже на эксплуатацию со стороны кулаческо-ростовщического ка-

питала. Удерживается оно ценою очень высокой напряженности труда крестьянина с его семьей и сокращения их потребностей. В этом основной недостаток такого хозяйства: только громадная затрата трудовой энергии позволяет ему устоять в конкуренции,—так что в общем труд вознаграждается плохо.

Мелкое земледельческое хозяйство обладает большой живучестью; но сила его не повышается, а падает. И прогресс земледельческой техники движется, главным образом, благодаря крупным хозяйствам.

С развитием культуры, мелкие земледельцы могут, до некоторой степени, воспользоваться выгодами крупного хозяйства, устраивая кооперации: объединяясь для покупки сообща машин и лучших орудий, улучшенных семян, племенного скота и проч., для совместного сбыта продуктов, а также для устройства товарищеских маслоделок, сыроварен и т. д. Но и эти кооперации дают наибольшие выгоды более зажиточным хозяйствам: мало-земельные, полу-разоренные, которые с трудом еще держатся, не в состоянии, большей частью, вносить паев в товарищество.

В общем развитие земледелия идет по тем же законам, что и промышленности, только действие их медленнее.

Всегда ли концентрация капитала ведет к увеличению производительной силы общества?

— В огромном большинстве случаев. Но все же, так как эта концентрация совершается стихийно, а не планомерно, то иногда результаты могут быть и не благоприятными. Если разорение более слабых предприятий идет слишком быстро, то оно не уравнивается ростом более сильных, они не успевают использовать освобождающиеся рабочие силы и средства труда, так что большая часть их погибает даром. Напр., когда в Ост-Индии в 30-х годах прошлого века англичане ввели крупное текстильное производство с механическими станками, то

местное кустарное производство бумажных тканей было разорено со страшною скоростью; и «равнины Индии белели костями ткачей хлопчатой бумаги», как было сказано в одном официальном документе. Такая растрата сотен тысяч, едва ли не миллионов, рабочих сил не могла быть полезна для экономического прогресса.

Слишком быстрое разрушение мелких форм производства может само замедлить и рост крупного капитала. Дело в том, что ему нужен рынок, чтобы сбывать массы своих товаров. Главный покупатель — народные массы, крестьяне, кустари, рабочие, городская беднота. Если капитал разоряет миллионы мелких хозяев, а из резервной армии, в которую попадают разоренные, привлекает только тысячи или десятки тысяч рабочих, то ясно, что количество покупателей для него уменьшается, рынок сбыта суживается; и если не найдется замены в виде какого-нибудь внешнего рынка, то ясно, что само крупное производство тогда не может свободно расширяться, само страдает от недостаточного спроса.

При обычном же, постепенном ходе концентрации капитала это сужение рынка может более чем уравновешиваться и тем, что увеличивается число занятых рабочих, как массовых покупателей, и тем, что товары, удешевляясь благодаря лучшим способам производства, находят более широкое распространение.

Какое изменение организации общества происходит при концентрации капитала?

— Капиталистическое общество есть *неорганизованное целое, состоящее из организованных частей*, — потому что каждое предприятие в отдельности сознательно и планомерно организовано волею капиталиста и его наемных служащих — распорядителей, взаимная же связь предприятий никакой сознательной волей планомерно не устанавливается. Концентрация капитала не изменяет еще по существу этого положения; но она приводит к тому, что число организованных частей, из которых обще-

ство состоит, становится все меньше, и таким образом общество приближается к единой организации. Но, конечно, для того, чтобы она на деле создалась, необходимо развиться такой *общественной силе*, которая смогла бы организовать общество в целом, и для которой эта задача была бы насущным жизненным интересом.

о) Промышленные кризисы.

Что такое «кризис» в экономической жизни?

— Это—потрясение, нарушающее нормальный ее ход. Бывают кризисы частные и местные; напр., в Англии такой кризис вызвала в 60-х годах американская война между северными и южными штатами, прекратившая подвоз хлопка, необходимого для английских текстильных фабрик; у нас в России время от времени возникают кризисы от неурожая, порождаемых истощением почвы благодаря низкой технике и упадку крестьянского хозяйства. Но бывают и *общие кризисы*, время от времени поражающие весь капиталистический мир. Таковы были кризисы 1825—6 г., затем 1836—7, 1847—8, 1857, сильнейший кризис 1873 и последующих годов, наконец, два несколько менее широких кризиса—1899 года, главным образом европейский, и 1907 г.—главным образом американский.

Какая причина общих кризисов?

— *Перепроизводство товаров*. При капитализме производство какого-либо продукта становится чрезмерным не тогда, когда этого продукта оказалось больше, чем общество его могло бы *потребить*, а тогда, когда его больше, чем общество его может *купить*. Напр., возможно перепроизводство хлеба рядом с голоданием масс населения: они могли бы потребить хлеб, и это спасло бы миллионы рабочих сил,—но у них нет «покупательной силы», т.-е. денег; и хлеб, непроданный, лежит в складах, пока его купят, напр., за границу, или пока

он сгниет. Капитализму свойственно время от времени порождать общее перепроизводство всех или почти всех товаров, причем цены их падают, а покупателей все-таки не оказывается: множество предприятий тогда гибнет, другие сокращают работу, а резервная армия капитала, т.-е. безработные, возрастает во много раз.

Каким образом возникает и развивается перепроизводство?

— Сила конкуренции заставляет каждого капиталиста расширять свое предприятие, совершенствовать его, вводить машины и пр.: все это необходимо не только для увеличения прибыли, но, что еще важнее, для того, чтобы удержаться против соперников в постоянной борьбе за рынок. Таким образом, повсюду производство, а значит, и предложение товаров, на рынке, быстро увеличивается. Но растет ли в такой же мере спрос? Легко показать, что нет. Допустим, что за известное число лет производство удвоилось. Для нормального хода дел, значит, требуется, чтобы удвоен был и спрос. Главный потребитель, от которого зависит спрос, это многомиллионные массы народа. О мелких производителях, крестьянах и ремесленниках, положение которых при капитализме ухудшается, а не улучшается, и говорить нечего, что они своего спроса на товары не удвоят. А рабочие? Чтобы их спрос удвоился, для этого надо предположить увеличение в два раза числа занятых рабочих. Но, благодаря машинам и другим улучшениям, производительность труда при капитализме все повышается, на каждого рабочего приходится все больше произведенного товара. Следовательно, если общее количество продукта и удвоилось, то рабочих для его производства требуется не двойное число, а меньше, напр., число полуторное против прежнего. Очевидно, что и спрос их на продукты, им нужные, увеличился не в два, а в полтора только раза. Спрос не поспевает за

предложением, и перепроизводство неизбежно, а с ним падение цен и общий кризис.

Как наступает кризис, сразу или постепенно?

— Он наступает сразу, хотя, конечно, перепроизводство, его причина, развивается постепенно. Эта разница происходит от *сложности* системы капитализма. Капиталисты не видят перед собою потребителей и не могут судить о рынке в целом. Фабрикант продает товар оптовому торговцу, тот—торговцам менее крупным, те—мелким лавочникам, и они—потребителям. Пусть потребители уже не увеличивают своего спроса так, как возрастает предложение; но даже лавочники заметят это не сразу, а только через некоторое время, наблюдая, что у них остается все больше непроданных запасов. Пока лавочники не заметили перемены, они попрежнему покупают у более крупных торговцев, и те должны увидеть новое положение еще позже, когда наблюдения обнаружат им все более уменьшающийся спрос со стороны лавочников. Еще больше времени пройдет, пока изменение почувствуют оптовые торговцы; еще дольше оно будет невидимо для фабрикантов. И пока перепроизводство остается таким *скрытым*, падения цен нет. Но раз оно проявилось, то, благодаря большим размерам, которых оно успело за это время достигнуть, бедствие разражается с огромной силой и резкостью. Банкротства, закрытие фабрик, сокращение работ идут одно за другим; наступает тяжелое положение для рабочего класса. Затем идет застой: новых крушений мало, но и улучшения незаметно. Затем, постепенно, непроданные запасы растают в частичных продажах, а частью сгниют; и вновь предложение сходитя со спросом. Начинается оживление: производство расширяется, закрытые предприятия восстанавливаются при новых владельцах, безработных становится меньше, увеличение работ еще расширяет спрос, и так дело идет дальше, к процветанию. А затем та же история: процветание порождает

чрезмерное производство, а оно—новый кризис. Притом, так как развитие техники и общие размеры производства успели сделать шаг вперед, то и новый кризис бывает острее, глубже прежнего. Благодаря тому, что *присвоение* продуктов совершается путем их *покупки*, растущее производство не находит достаточного потребления. В этом заключается постоянно свойственное капитализму противоречие между производством и способом присвоения.

н) Синдикаты предпринимателей.

Какие причины вызывали образование синдикатов предпринимателей?

— Те невыгоды и, порою, бедствия, которые самим капиталистам причиняются конкуренцией и кризисами. В необузданной конкуренции страдают не одни мелкие и средние предприниматели, но все чаще—также и крупные. Иногда между огромными предприятиями завязывается борьба на-смерть из-за того, чтобы вытеснить друг друга с рынка; боевое понижение цен губит одну из борющихся сторон, но и другой нужно много времени, чтобы оправиться от такой войны, и нет никаких гарантий, что не придется скоро вновь повторить борьбу с еще более сильным противником. А кризисы жестоко потрясают даже самые громадные предприятия и отнимают всякую уверенность в будущем, потому что являются неожиданными,—и ни степени их силы, ни их последствий рассчитать нельзя. В Европе именно кризис 1873 года, самый жестокий из всех, послужил толчком к образованию синдикатов.

В чем состоит организация синдикатов?

— Дело идет о том, чтобы уничтожить взаимную конкуренцию предприятий, которые объединяются, — избавить их от перепроизводства и понижения цен. Поэтому

крупные предприниматели, вступая в союз, начинают с того, что: 1) распределяют между собой рынок, чтобы не было из-за него конкуренции; 2) «нормируют» количество продукта, т.-е. устанавливают, до какой величины каждая фирма может доводить свое производство, чтобы они не расширяли его чрезмерно; 3) назначают цены, ниже которых члены синдиката не должны продавать товара. Вместе с тем синдикаты создают обыкновенно общую кассу против стачек. Далее, они устраивают общие склады для товаров, общие агентства для осведомления и т. п. На этой ступени находится большинство европейских синдикатов, в том числе и в России около сотни (сахарозаводчики, разные горнопромышленные и металлургические синдикаты «Продаруд», «Продамета» и др.). Есть в разных странах тысячи синдикатов областных и национальных, но также десятки, если не сотни, международных: еще в 1897 году таких синдикатов немецкие экономисты насчитывали около 100.

В Америке успела широко развиться дальнейшая, высшая форма синдикатов—*трёсты*. Трёст—это объединение всех союзных предприятий в одно *акционерное*. Каждый из прежних владельцев получает такое количество акций трёста, которое соответствует размерам его прежнего предприятия. Затем все дело трёста ведется новым общим правлением. Обыкновенно, ради экономии, трёст закрывает часть прежних заводов или фабрик и сосредоточивает производство на остальных, наилучше оборудованных. Так, водочный трёст в Америке, объединив 80 заводов, закрыл 68; но на остальных 12 производство развил вскоре больше, чем прежде на всех 80. Трёсты — гигантские предприятия. Так, в нефтяном трёсте Америки объединено более 400 предприятий, и его руководитель, Рокфеллер, уже успел себе составить состояние около 2.000 миллионов рублей, с доходом около 100 миллионов в год, 270 тысяч рублей в сутки, почти 200 рублей в минуту. Стальной трёст Америки объеди-

нил более 800 предприятий; на него работает свыше 200 тысяч рабочих, он производит около половины чугуна, больше половины стали и рельс в Соед. Штатах.

Насколько прочное объединение представляют трёсты, можно судить по следующему примеру. Много лет существовавший «динамитный трёст» объединил все важнейшие фабрики взрывчатых веществ на земном шаре, с английскими и германскими во главе. Когда разразилась мировая война, он продолжал сохраняться еще целый год, распределяя дивиденды с военных заказов той и другой стороны. Когда выяснилось, что война затяжная, то это неудобное положение, которое приходилось, конечно, скрывать, было разрешено тем, что английские капиталисты заплатили германским участникам за их акции более 150 миллионов рублей (на наши прежние, до-военные деньги).

Какое значение имеют синдикаты и трёсты в экономической жизни?

— Они освобождают капиталистов от большей части мелких и местных кризисов, помогают им легче переносить общие кризисы; но они не уничтожают мирового перепроизводства, потому что организуют не весь мировой капитализм, а только отдельные его части и отрасли, и потому что потребление народных масс растет попрежнему медленнее производства. Это потребление синдикаты и трёсты скорее даже суживают, сокращая число занятых рабочих. Положение рабочих в борьбе с капиталом они ухудшают, но тем самым также вынуждают рабочих быстрее и энергичнее организоваться для защиты общих интересов. В общем, можно признать, что до сих пор организация капиталистов в синдикаты и трёсты шла медленнее, чем организация рабочего класса в профессиональные и иные союзы: воспитанные на борьбе и конкуренции рынка, капиталисты были до сих пор менее способны к единению, чем рабочие, которые воспитываются на товарищеском сотрудничестве.

*

р) Финансовый капитал.

Представляют ли синдикаты и тресты последнюю форму объединения капиталистических предприятий?

— Нет. За последнее время возникла и быстро развилась форма еще более широкая, так-называемая «финансово-капиталистическая».

В чем заключается ее сущность?

— Это не что иное, как *соединение капитала кредитного и промышленного*, причем *руководящая роль принадлежит именно кредитному капиталу*.

Каким образом и почему может получиться такое соединение?

— Кредитному капиталу нужен промышленный и промышленному кредитный: фабриканты и заводчики занимают у банков деньги для расширения и укрепления своих предприятий; но в этих предприятиях и производится та прибавочная стоимость, из которой получают свою долю банки в виде процента по займам. Из этого, конечно, не вытекает того, чтобы одна сторона *подчиняла* себе другую. Долгое время они и развивались рядом, как равноправные, сохраняя свою самостоятельность. Но капитализм весь построен на борьбе: кто экономически сильнее, тот непременно, если не уничтожает, то подчиняет более слабого. Ход развития привел к такому положению, что банки и банковские организации оказались сильнее, чем промышленные капиталисты и их организации. Это положение создалось приблизительно к началу XX века. Тогда и стали быстро складываться новые объединения, с кредитным капиталом во главе.

Какими способами кредитный капитал может подчинять себе промышленный?

— Во-1), угрозой отказать в кредите, если не будут приняты те или иные условия. Конечно, такая угроза

имеет силу только тогда, когда кредит чрезвычайно нужен промышленному капиталисту, и притом нет возможности получить его в другом месте. Время от времени надобность в кредите бывает у всякого предприятия, и иногда совершенно неотложная. А невозможность заменить один источник кредита другим выступает в том случае, если кредит «монополизирован», находится в руках могущественной банковской организации, и обратиться больше некуда; или если и есть куда, то нельзя, потому что предприятие уже связано не допускающими этого договорами при предыдущих займах.

— Во-2), при акционерной форме промышленного предприятия, банк может вполне подчинить его себе, скупив достаточное количество его акций. Кто имеет больше половины акций предприятия, тот может проводить какие ему угодно решения в собраниях акционеров, потому что счет голосов ведется по числу представленных акций. И обычно для этого даже не надо иметь половины всех акций, достаточно около двух пятых, потому что некоторая доля их, рассеянная между мелкими акционерами, не посещающими собраний, остается совсем не представленной. Следовательно, банку достаточно быть собственником двух пятых предприятия, чтобы всецело им распоряжаться; а если он обладает и менее значительной долей, то, при раздроблении голосов у акционеров, при наличности между ними разных партий, он часто все-таки может оказывать решающее влияние. — Разумеется, только очень сильные банковские организации способны в широких размерах скупать акции различных предприятий.

Что же именно дало кредитному капиталу такое могущество, которое позволило ему объединять под своим руководством значительные массы промышленных предприятий?

— Тут действовали два основных условия: во-1), чрезвычайное обострение конкуренции на мировом

рынке; во-2), огромное развитие банкового дела, приведшее к объединению банков в обширнейшие организации.

Чем острее борьба за рынок между промышленными предприятиями, тем важнее для каждого из них становится кредитная поддержка, позволяющая быстро расширять и совершенствовать производство, пережить неблагоприятные цены и проч.: банки все нужнее для промышленников, которые все больше, так сказать, конкурируют друг с другом из-за кредита. В договоре двух сторон та, которая нужнее для другой, является экономически более сильной и может диктовать условия.

— В то же время, как ни быстро развивались промышленные объединения, банковские росли с еще большей скоростью, что опять-таки давало им перевес силы не только над отдельными капиталистами-промышленниками, но даже, в большинстве случаев, над их синдикатами и трестами.

Какими путями создавались большие организации банков?

— Обыкновенно, крупные банки бывают устроены на акциях: это, конечно, наиболее подходящая форма для кредитных учреждений, потому что, чем больше капиталистов участвует в деле, заинтересовано в его поддержании, тем более оно внушает «доверия», тем легче привлекает к себе кредит. В то же время акционерная форма допускает быстрое расширение дела посредством выпуска и продажи новых акций в дополнение к первоначальным. Чем банковое предприятие само крупнее, тем легче и успешнее оно может производить такую операцию, тем скорее может расти. Благодаря этому, создались банки-гиганты, с десятками, даже с сотнями миллионов своего капитала, и еще в несколько раз (обычно от 3 до 5 раз) большей суммой доверенных банку чужих капиталов, которыми он свободно распоряжается. Такие банки имеют десятки и сотни своих

отделений в разных городах, даже в разных странах; и сами по себе они должны рассматриваться не как частные предприятия, а как настоящие кредитные трёсты. Они побивают конкурирующие более мелкие банки или вынуждают их к слиянию с собой, что делается особенно легко благодаря той же их акционерной форме.

— Но еще чаще они ограничиваются тем, что подчиняют себе ряд менее крупных банков путем скупки достаточного количества их акций, т.-е. около двух пятых всего числа или немного более. Тогда они получают в свое распоряжение весь собственный капитал этих банков и всю сумму вкладов в них, вообще—чужих капиталов, которые тем доверены. В сущности, эти подчиненные банки или «банки-дочери», как их называют, являются просто отделениями «банка-матери», только в скрытом виде, при чем он за них перед законом не отвечает.—Затем, «банки-дочери», по его указаниям, могут подчинять себе, т.-е., на деле, ему же, банки более мелкие, «внучки», и эта цепь иногда даже идет далее. В общем этим способом, и еще некоторыми иными, вокруг гигантских кредитных учреждений группируются десятки меньших, к ним примыкающих и увеличивающих собою их силу.

Таким образом, напр., в Германии перед войной 9 крупнейших берлинских банков имели у себя в руках больше половины общей суммы вкладов всей страны—5 с лишним миллиардов марок из 10 миллиардов (марка тогда была около 47 коп.); а вместе с примыкающими к ним распоряжались более чем 11 миллиардами своих и чужих денег, что составляло пять шестых всего немецкого банкового капитала.—В частности, один «Немецкий банк» руководил не менее как 58 другими банками, одними прямо, как своими «дочерьми», другими косвенно, через эти. В числе «банков-дочерей» находился один австрийский и два крупнейших русских («Сибирский торговый» и «Русский для внешней торговли»).

Вся же организация располагала 3 миллиардами марок. В Америке всего две гигантских организации, Рокфеллеровская и Моргановская, господствуют над кредитом страны.

Такие организации называются банковыми «группами» или «концернами».

Какие промышленные предприятия подчиняются банковому организациям?

— Всевозможные—и предприятия отдельных капиталистов, и акционерные, и целые синдикаты, тресты. Только самые могущественные синдикаты и тресты, обладая колоссальными финансовыми средствами, вступают с ними в связь, как равноправные союзники; таковы величайшие американские тресты, напр., нефтяной трест Рокфеллера, и немногие европейские, как немецкий союз двух электрических трестов— «Всеобщей Компании Электричества» и Сименса-Шуккерта. Подобные организации сами действуют теми же способами, подчиняя себе другие предприятия в качестве «дочерей» или учреждая новые на таких же основаниях. Напр., «Всеобщая Компания Электричества» перед войной руководила 175—200 предприятиями и располагала в общем капиталом не менее 1.500 миллионов марок. Нефтяной трест Америки обладает еще более широкой и мощной организацией. Но, в сущности, это также союзы финансового капитала, т.-е. промышленного и кредитного вместе, потому что они путем кредита держат в подчинении свои группы предприятий.

Синдикаты и тресты менее крупные, не обладающие столь огромной самостоятельной финансовой силой, принуждены «примыкать» к банковым концернам и, пользуясь их поддержкой, следовать за то их руководящим указаниям. Впрочем, во главе и банковских и промышленных объединений чаще всего стоят одни и те же дельцы-руководители.

Чем отличается новое объединение промышленных предприятий, выполняемое финансовым капиталом, от прежних форм объединения?

— Оно значительно шире. Предпринимательские синдикаты и тресты обычно объединяли только предприятия одной отрасли производства; финансовый капитал связывает вокруг одного центра предприятия и разных отраслей. Каждый финансовый центр заботится о том, чтобы подчиненные ему предприятия были как можно устойчивее и меньше зависели от других. Поэтому он старается присоединить и предприятия, поставляющие для них необходимые средства производства, особенно главные материалы, сырье, чтобы, напр., его машиностроительные заводы могли получать металл и уголь из подчиненных ему же чугунно-литейных и железо-плавильных предприятий, угольных копей; далее, он устраивает или захватывает железнодорожные линии, наиболее важные для связи этих различных предприятий, и проч. Стремление к такому соединению предприятий—так-называемому «комбинированию» — существовало и раньше, но развивалось медленно: только немногие крупные предприятия в силах были приобретать другие, поставляющие им или покупающие у них средства производства. Финансовый капитал чрезвычайно ускоряет развитие «комбинирования», во-1) благодаря своей громадной силе вообще, во-2), благодаря тому, что для него не требуется целиком приобретать, а достаточно подчинять нужные предприятия.

В какой степени финансовый капитал вмешивается в хозяйство руководимых им промышленных предприятий?

— Насколько это требуется его интересами. Напр., банковский центр не допускает обострения конкуренции между подвластными ему предприятиями, разграничивает, в случае надобности, рыночные районы между ними, указывает, насколько они могут расширять дело, пред-

писывает одним делать закупки у других, иногда требует при этом повышения или понижения цен, и проч. В общем, тут вмешательство менее систематическое, и регулирование менее глубокое, чем в развитых промышленных синдикатах, а тем более—трёстах: связь много более широкая, но и менее тесная.

Какое основное изменение вносит финансовый капитал в хозяйственную жизнь общества?

— Еще в большей степени, чем синдикатная организация, он вносит, на место свободной конкуренции, *монополию*. Под руководством банковских концернов и при их поддержке, объединенные ими группы промышленных предприятий захватывают безраздельно рынки обширных областей и целых стран. В иных случаях весь мировой рынок делится между двумя-тремя финансовыми организациями.

Этим устраняется конкуренция частных предприятий, но отнюдь не борьба мирового рынка вообще, с вытекающими из нее мировыми кризисами. Напротив, чем меньше число гигантов-монополистов, тем борьба между ними острее: охватывая весь мировой рынок, они могут расширять свою сферу только один за счет другого, только ценою войны, экономической, или даже настоящей, вооруженной. В той и другой войне они пользуются силами и средствами современных государств, которые заставляют служить своим интересам.

с) Капиталистическое государство.

На каких экономических условиях основывается современное, капиталистическое государство?

— Капиталистический строй основан на товарном обмене, на конкуренции, а затем борьбе монополий, на общей анархии производства, борьбе классов: в этом и заключается его коренная *неорганизованность*. Всякая конкуренция, борьба, анархия, если они предоставлены

самим себе, неизбежно обостряются и переходят в разрушительные действия, потому что нанесенное одной стороной повреждение вызывает с другой стороны усилие нанести повреждение еще большее. Поэтому из неорганизованности экономики капитализма вытекает необходимость в такой организации, которая ставила бы ее в рамки, не давала бы ей перейти в голую войну всех против всех, в общее разрушение. Такой организацией является государство.

Как устроено капиталистическое государство?

— Всякая конкуренция, борьба, анархия может быть введена в рамки только *принуждением*. Следовательно, государство есть *организация принудительная*. В нем есть законы, которые принудительно предписывают людям известные действия и запрещают другие; есть административные власти, которые принудительно распоряжаются, опираясь на законы: есть суд, который принудительно разрешает отдельные столкновения и карает нарушения законов; есть армия, которая силою подавляет сопротивление властям и суду. Принуждение рассматривается при этом как *право* тех или иных учреждений, тех или иных лиц. Следовательно, государство есть организация *принудительно-правовая*.

Какими общественными силами держится и управляется капиталистическое государство?

— Господствующими классами, т.-е., собственниками земли и средств производства, капиталистами в широком смысле слова. Они властвуют экономически; понятно, что они властвуют и государственно. Они строят государственный аппарат, чтобы поддерживать и закреплять свое господство над классами трудовыми. Государство есть *организация этого господства*. Оно управляется экономически сильнейшими, которые так и называются «*правлящими классами*». Из них берутся представители власти, их интересам служат законы и суд.

Следует ли это понимать так, что государство не может делать ничего полезного для классов подчиненных, или что оно вообще никогда не исполняет их требований?

— Отнюдь нет. Надо иметь в виду, что очень часто интересы самих правящих классов побуждают их делать уступки рабочему классу и трудовому крестьянству, или даже—что, впрочем, встречается гораздо реже—самостоятельно принимать полезные и для них меры. Напр., государство может заводить медицинскую помощь массам населения и санитарный надзор, потому что болезни лишают капитал работников, а государство—солдат, и потому что заразные болезни, распространяясь в низах общества, начинают потом косить и верхи. Или, напр., когда идет сильное рабочее движение из-за сокращения рабочего дня, правительство может ввести такое сокращение законом потому, что оно более выгодно капиталу, чем долгое нарушение хода промышленности забастовками, демонстрациями и т. п.,—особенно когда опыт уже показал, что это сокращение потом вознаграждается повышением напряженности труда. Но все это делается именно постольку, поскольку оно в интересах самих правящих классов и их господства; а если представляются возможными и выгодными для этих классов противоположные меры, напр., подавление силою требований рабочего класса и отнятие уже сделанных ему уступок, то такие меры и проводятся правительством,—как было в России после революции 1905—6 г.г.

В этом нет существенной разницы между монархическими и республиканскими государствами: те и другие суть организации господства капитала. Но есть большая практическая разница: при республике, и особенно демократической, основанной на всенародном голосовании, трудовые классы легче выясняют и выражают свою волю и могут более мирными путями доби-

ваться уступок. Это зависит от того, что демократическое устройство вообще соответствует более высокому уровню самого капитализма: чем выше уровень капитализма и его техники, тем более интеллигентный, сознательно-культурный работник требуется для производства; а такой работник не может обходиться и без гражданских прав, без политической свободы,—требует и рано или поздно добывается права голоса в делах государства.

т) *Налоги и займы.*

Откуда государство берет средства для выполнения своих задач?

— Оно получает их от населения в виде *налогов*.

Какие бывают налоги?

— *Прямые и косвенные.* Прямые уплачиваются, без всяких посредников, теми самими плательщиками, на которых они наложены, и не перекладываются ими, явно или скрыто, на других. Напр., подоходный налог прямо берется казною с лица или предприятия, получающего доход—столько-то процентов с этого дохода; поимущественный—столько-то процентов с оценки имущества данного лица или предприятия; квартирный—прямо с квартиронанимателей, столько-то рублей при такой-то цене квартиры, и т. п. Косвенный налог есть обыкновенно налог на продукт, на товар; напр., акциз на водку, на табак, на спички; или, положим, таможенная пошлина на бумажные изделия, на машины. Акциз берется с фабриканта или с продавца товара; но тот, в действительности, сам его не платит, а ровно на столько же, сколько наложено, повышает цену товара. Значит, налог «перекладывается» на покупателя, который и уплачивает его под видом повышенной цены товара, сам даже того не замечая. Точно так же и таможенные пошлины: их берут с купца, ввозящего товар.

положим ситец, на границе, в таможенных; но купец переложит пошлину на покупателя, повысив цену. И не только ввозящий купец сделает это: если такой же товар производится и нашим фабрикантом, то и тот повысит цену до того же или почти того же уровня, потому что тогда ему нечего бояться конкуренции ввозного ситца. А покупатель видит только, что ситец дорог, но не видит того, что на деле, в этой дорогой цене, платит частью пошлину государству, а частью даже лишнюю прибыль отечественному фабриканту.

Очевидно, косвенные налоги на продукты массового потребления имеют свойство увеличивать дороговизну жизни.

Что такое—налоги «прогрессивные» и «регрессивные»?

— Одни налоги падают на плательщика тем большей тяжестью, чем он беднее; это—«регрессивные», т. е., по точному смыслу слова, «нисходящие»; другие, наоборот, облегчаются для беднейших плательщиков, усиливаются для более богатых; это—«прогрессивные», т. е., «восходящие». Косвенные налоги на обычные предметы потребления все являются регрессивными. Напр., если имеется налог на соль, спички, ситец, то, разумеется, и богатый и бедный платит за все это одинаково повышенную цену. Но если капиталист во 100 раз богаче крестьянина или рабочего, то это не значит, что он ест во 100 раз больше соли, жжет во 100 раз больше спичек, носит во 100 раз больше ситцу. Всего этого он употребляет, может быть, и больше, но в каких-нибудь 2—3 раза. Следовательно, доходу он получает во 100 раз больше, а налогу платит в 2—3 раза больше.

Прогрессивными налогами из косвенных бывают налоги на предметы роскоши. Напр., если обложены дорогие вина, шелковые материи, автомобили, то, конечно, для беднейших слоев населения это никакого обременения не составляет; а из капиталистов сравнительно

больше платят те, которые больше могут позволять себе роскоши, т.-е., которые богаче.

Гораздо важнее прямые прогрессивные налоги: прогрессивный подоходный, прогрессивный поимущественный; к этому же виду относится прогрессивный квартирный.

Прогрессивный подоходный налог бывает в таком роде. Лица, имеющие меньше, положим, 1000 руб. дохода, ничего не платят; у кого дохода от 1000 до 2000, те платят один процент своего дохода, у кого от 2 до 5 тысяч — платят $1\frac{1}{2}$ процента; от 5 до 10 тысяч — 2 процента, и т. д. Обыкновенно, это повышение где-нибудь кончается; напр., все, имеющие больше 100 тысяч дохода, платят 10 процентов, и только, хотя бы получали и миллион, и десять миллионов.

По внешности, такой налог неравномерен: равномернее, казалось бы, платить со всякого дохода одинаковый процент. Но, очевидно, что на деле тогда тяжелее мелким плательщикам, потому что им приходится отдавать из необходимого, тогда как богатые отдают только часть излишков. Следовательно, такой подоходный налог, называемый «пропорциональным», нельзя считать равномерным.

Какими еще способами государство может получать финансовые средства?

— Путем *займов*, а также посредством выпуска *бумажных денег*.

Займы производятся так. Государство выпускает особые билеты, по 100, по 1000 рублей ценою, и продает их с тем, что покупатели будут получать по 3, по 4, по 5 процентов,—когда финансы хороши, процент назначается меньше, когда плохи—больше. Желающие раскупают эти билеты и таким образом за свои деньги пользуются незаработанным доходом. Проценты по займам, а потом и окончательная расплата (большей частью — постепенная, в целом ряде лет) производятся уже за счет налогов,

получаемых с населения; так что и заем сводится, в сущности, к налогам.

Что такое бумажные деньги, это уже было объяснено в главе о кредите. Очевидно, что они представляют просто беспроцентный заем: расписки, которыми государство платит за товары и которые оно должно когда-нибудь заменить настоящими, т.-е. золотыми деньгами. Если бумажных денег выпускается слишком много, как, напр., у нас во время мировой войны, лишние десятки миллиардов, то курс их (т.-е., цена на золото, а значит, и их покупательная сила) падает очень сильно; и капиталисты выражают недовольство тем, что их денежные запасы на деле обесцениваются, а коммерческие расчеты нарушаются и спутываются. Тогда государство, чтобы помочь им и «поднять курс», выпускает новый заем, с процентами; капиталисты его покупают за бумажные кредитки, и те частью, значит, возвращаются к государству; а в обращении их становится меньше, и курс их повышается. Заем же—и проценты, и погашение—в свою очередь оплачиваются налогами с населения; и дело опять сводится к налогам.

у) Милитаризм и империализм.

Что такое армия?

— Это организованная вооруженная сила государства, создаваемая путем найма или путем принудительного набора из населения.

Для чего армия служит?

— Первоначально для поддержания *порядка*, т.-е., обычного хода вещей, какой требуется государству, как организации классового господства капитала. Армия служит для того, чтобы подавлять беспорядки и восстания подчиненных классов, защищать собственность и проч.

Но с развитием мировой конкуренции на армию ложится еще другая задача: борьба за рынки. Германский капитал конкурирует с английским и американским, аме-

риканский с японским и т. д.; каждый старается захватить как можно более крупную долю мирового рынка, вытеснив соперников. Чем теснее становится мировой рынок для страшно возросших капиталов конкурирующих стран, тем менее достаточными делаются для них чисто экономические приемы борьбы — развитие дешевизны, качества и разнообразия товаров. Надежно захвачен только тот рынок, который завоеван, потому что туда соперников можно не пускать, прямым ли запрещением ввоза товаров или очень высокими пошлинами на них. Кроме того, опираясь на сильную армию, можно угрозой войны добиться выгодных торговых договоров, и т. п. Армия для каждого государства становится орудием защиты и расширения своей доли мирового рынка.

Что такое «милитаризм»?

— Для поддержания своего господства внутри страны правящим классам была бы достаточно небольшая наемная армия, как это и было до недавнего времени в Англии, в Америке. Но для борьбы за внешние рынки чем больше войска, тем лучше; каждое государство старалось увеличить свою вооруженную силу, чтобы стать сильнее других; другие, в свою очередь, чтобы не оказаться слабее, также усиливали вооружение, и т. д., без конца. Создались громадные, миллионные армии, которые обходились каждому крупному государству в сотни миллионов ежегодно и обременили народы миллиардами государственного долга.

Многие капиталисты, получавшие от военных заказов огромные прибыли, употребляли все усилия и все средства, чтобы добиваться увеличения армий и военных флотов; они всячески старались сеять вражду между нациями, путем угроз, распространения тревожных слухов о готовящихся нападениях, и т. п. Рост вооружений таким образом еще больше ускорялся.

Это быстрое и чрезмерное развитие военщины и называется «милитаризмом».

Что такое «империализм»?

— Это—захватные стремления, которые обострились в передовых странах на почве мировой конкуренции. Учение империализма первоначально создано в Англии, перед завоевательной войной против бургских республик; оно было как бы оправданием этой войны, которую Англия тогда готовила. Оно гласит, что великие империи представляют высшую форму организации человечества, а потому права малых наций не должны приниматься в расчет, когда дело идет об образовании и расширении таких гигантских государств. Это учение распространилось и в других странах—Германии, Франции, Японии, Соед. Штатах и т. д. Всюду оно порождало завоевательные планы, обостряло национальную вражду и содействовало росту милитаризма.

ф) Мировой военный кризис.

Какие силы при капитализме порождают войны и какие противодействуют их возникновению?

— В мировой торговле между разными странами одни для других служат поставщиками необходимых продуктов, материалов или орудий, и в свою очередь покупают у них другие товары. Это означает действительное сотрудничество между разными странами и порождает между ними «силы взаимной связи», которые поддерживают и укрепляют мир, препятствуют возникновению войн. Но, с другой стороны, конкуренция тех же самых стран из-за общих рынков, а также стремление во взаимной торговле продавать дороже, покупать дешевле, порождают противоречия интересов между национальными капиталами, т.-е. «силы противоречий» или «силы давления», которые направлены к нарушению мира, к войнам и захватам. Пока для двух каких-нибудь стран силы связи больше сил давления, они живут в мире; если силы давления окажутся больше—вспыхивает война.

Развитие милитаризма, порожденное мировой конкуренцией, создало само по себе еще новые силы давления. Всякой человеческой организации свойственно стремление проявлять себя, действовать сообразно своей природе. Миллионная армия, с десятками тысяч офицеров, всецело воспитанных для дела истребления, неизбежно проникается воинственными настроениями и разливает их вокруг себя в народных массах: накопленные силы тяготеют к бездействию; орудия истребления, подобно орудиям труда, находясь в руках людей, пробуждают в них потребность применения этих орудий к делу. Так военщина становится источником дополнительных сил давления, толкающих государства к войне, куда их толкает и конкуренция национальных капиталов.

Откуда произошла мировая война?

— Отдельные, частные войны возникали оттого, что здесь или там между государствами силы давления оказались больше сил связи; мировая же война—оттого, что во всем *капиталистическом мире*, взятом как целое, силы давления превзошли силы связи. Дело происходило таким образом, что возрастали одновременно и те и другие. Международный обмен рос все быстрее, и к 1913 году оборот его—величина ввоза и вывоза разных стран, взятых вместе, — был не меньше 50 миллиардов рублей. Отдельные государства становились все более нужны друг для друга и как поставщики, и как покупатели. Напр., Англия не могла жить без ввозного хлеба, ее текстильная промышленность почти всецело пользовалась германскими красками, а другие отрасли производства потребляли массу веществ, доставлявшихся химическими заводами Германии. Германия сама брала у Англии меньше, хотя тоже немало,—но зато имела в ней одного из самых важных клиентов, покупателей, сбывала в нее не менее седьмой доли своего вывоза, т.-е. на 700 миллионов рублей. И так же тесно переплетались интересы других капиталистических стран; все они были нужны

•

друг другу, и эта взаимная надобность в товарах увеличивалась по мере того, как развивалось дальше и глубже международное разделение труда.

Но росла также и конкуренция на международном рынке, порождая враждебность между теми же странами, напр., между Англией и Германией, как поставщиками угля, машин, железных изделий, тканей. Сила давления конкуренции возрастала, притом все быстрее и быстрее, по мере того, как мировой рынок исчерпывался, делался тесен для конкурентов.

Но все же к 1914 году эта сила давления сама по себе еще не перевесила силу связи: торговые сношения между странами, ныне воюющими, шли оживленно; и даже большинство самих капиталистов не верили в возможность близкой войны. Они не принимали в расчет, что развитие милитаризма создало еще добавочную силу давления, которая присоединялась к силе конкуренции; взятые вместе, они получили, наконец, преобладание, перевесили всю силу связи. Тогда разразилась мировая война.

Можно ли, следовательно, признать, что причина войны лежит в той или другой отдельной стране, в ее захватных стремлениях, воинственности и т. п.?

— Нет, мировая война есть особый кризис, не зависящий в своей основе от воли людей и правительств, а зависящий от *общей неорганизованности капиталистического мира*, порождающей конкуренцию, и на почве конкуренции—милитаризм.

Конечно, Германия и Англия играют наиболее выдающуюся роль в этой войне, как страны наиболее развившие до нее, одна сухопутный, другая—морской милитаризм. Но это объясняется просто тем, что обе страны—экономически-передовые, и что в них все свойства капитализма, а вместе с тем и все его последствия выражены наиболее сильно.